

Хвост ящерицы

Культура - 2000 - 23-29 ноября - с. 7

“Эдит Пиаф” в Театре Романа Виктюка

“Этого спектакля ждали...” Не правда. “Роман Виктюк поставил нечто сенсационное!...” Снова неверно. “Эдит Пиаф” открыла Москва...” Ничего не открыла. Точнее всего будет так: в Театре Романа Виктюка состоялась очередная премьера.

Да, Роман Виктюк давно уже перестал эпатировать публику. Или просто изменилось время? Ну разве можно сравнить резонанс от “Заводного апельсина” — самой скандальной премьеры Виктюка последнего времени — с тем шок, который произвел на выдавших виды театралов спектакль “М. Баттерфляй”? Сейчас Виктюку сопутствует стабильный успех, на редких московских показах “Саломеи”, “Рогатки” или “Антонио фон Эльба” — неизменные аншлаги. Мужчины, объясняющиеся друг другу в любви, давно никого не смущают, костюмы из шелка и перьев стали привычными. Спектакли Виктюка сделаны уверенной рукой — это немало по нынешним временам. Но этого мало для привычно громкой славы режиссера.

Итак, на сцене пьеса молодого драматурга Ксении Драгунской “Мой легионер”, посвященная судьбе великой Эдит Пиаф. О драматургических достоинствах сего опуса судить трудно, поскольку Виктюк, как всегда, очень вольно обошелся с текстом, и уж наверняка в пьесе “Мой легионер” отсутствует фраза “Фарик, скажи что-нибудь по-персидски!”.

Виктюк в очередной раз решает спектакль с помощью любимого им приема “театра в театре”, когда артисты разыгрывают перед зрителем сюжет, не особенно заботясь о целостности сценической иллюзии. Напротив, нарушение этой иллюзии всячески подчеркивается, давая простор для актерского отстранения. Так были сделаны “Служанки”, где вся история о несостоявшемся убийстве Мадам представлялась четырьмя танцорами, пришедшими в репетиционный зал. Этот же ход изящно завершал первый акт в “Антонио фон Эльба”.

В новом спектакле Виктюк придумывает следующий сюжет: мо-

лодая талантливая певица Нуца приходит в студию, чтобы записать песню “Мой легионер”, но у нее что-то не получается. Тогда Коля (артист Добрынин) и Фарик (артист Махмудов) предлагают ей перевоплотиться в Эдит Пиаф и вспомнить предысторию этой песни. Что и происходит на глазах у

изумленной, а затем восторженной публики.

Художник Владимир Боер привычно одевает сцену в некрашеную фанеру, заставляя вспомнить и “Мистерию о нерожденном ребенке...”, и “Путан”, и другие постановки Виктюка с аналогичным решением сценического пространст-

ва. В качестве эксклюзивной детали использован фанерный аэроплан (в натуральную величину?), который обозначает род войск легионера: он летчик. Герои то разгуливают по фюзеляжу аэроплана, то сидят на авансцене в летных креслах, вспоминая-рассказывая-разыгрывая знакомство никому не известной девчонки с парнем из BBC. Вот, собственно говоря, и все.

Никто из мужчин не ходит в юбках, у легионера нет никакого друга, нет самоубийств, убийств и садистских экспериментов. Есть замечательная актерская работа Николая Добрынина, который даже на этом скудном драматургическом материале ухитрился сыграть и любовь, и боль, и обреченный протест против войны. Есть красивый голос Нуцы, которая, безусловно, может петь песни Пиаф, давая им новое, жесткое и одновременно пронзительное звучание. И есть, наконец, реакция публики, которая устала от убийств, от нетрадиционно ориентированных “друзей”. И Бог с ними, с театральными новациями!

Виктюк угадал желания публики и дал ей желаемое. Поставил на самом деле абсолютно не характерный для себя спектакль — спектакль-концерт, обреченный на успех, не задеиствовав при этом никого из суперзвезд ранга Образцов или Фрейндлих. Чем будем удивлять? Тем, что удивлять не будем! Каламбур очень в его духе.

В одном из своих монологов легионер упоминает ящерицу, в целях защиты сбрасывающую собственный хвост. Какой остроумный способ получить передышку! У каждого из нас свои опасности и свои “хвосты”. Умение “сбросить хвост” очень важно: появляется время зализать раны, обдумать, что делать дальше. Уверен, что для многих людей, которые пришли в зрительный зал, поход на премьеру Виктюка (весьма чувствительный в материальном отношении) и был такой передышкой.

Александр
СМОЛЬЯКОВ

Сцена из спектакля